

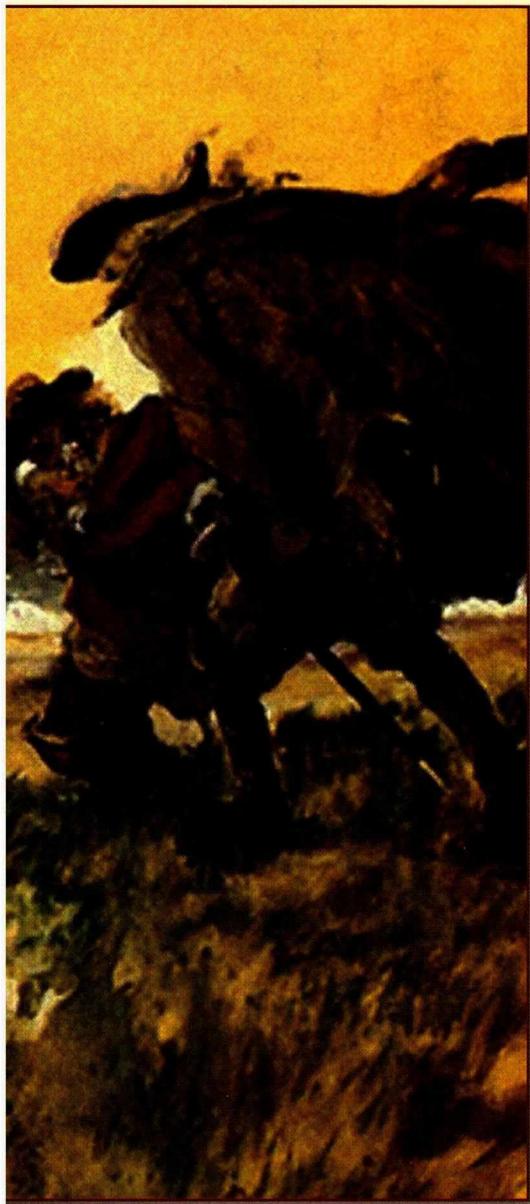
Дорога в «парадиз»

▲ Пётр Великий, думающий о строительстве Санкт-Петербурга.
Александр Бенуа, иллюстрация к «Медному всаднику» Пушкина, 1916 год

Евгений Анисимов

В августе 1700 года Пётр начал, без объявления, войну со Швецией, которая продолжалась 21 год. Были предъявлены две причины нападения. Первая — личное оскорблённое чувство русского правителя, которому шведские власти за три года до этого не позволили составить чертежи крепостных укреплений Риги. Второй причиной стало... Об этом подробнее.

условия Кардисского «вековечного» мира 1662 года и других русско-шведских договоров о границе.

Кстати, это обстоятельство вызывало особое возмущение Карла XII, считавшего царя клятвопреступником, который к тому же прислал в Швецию посольство князя Хилкова с обманным объявлением о предстоящем якобы прибытии в Стокгольм Великого посольства с ратификационной грамотой о нерушимом мире.

В указе от 19 августа 1700 года причиной войны со Швецией выставлялся только «рижский инцидент». Об «отчинах и дединах» речи не шло. Лишь в циркуляре русским послам за границей от 18 ноября 1700 года об этом было ясно сказано в расчёте на иностранную публику: «Шведский трон, который умело применял принцип “Vivitur ex partu” (“Жить грабежом”) ко всем своим соседям, отторг от царя эти провинции (Ингрию и Карелию. — Е. А.), воспользовавшись в начале века в Московии внутренними волнениями». А значит, Россия имеет право денонсировать все прежние договоры со Швецией.

Надо сказать, что указанная причина к началу войны не была только формальной или надуманной. Её можно понять с учётом национально-ментальных факторов. Для русского национального сознания пространство всегда играло особую роль. Бескрайние размеры территории страны — предмет гордости россиян, они сливаются с эмфатическим понятием «простор», связываются с представлением о вольности, свободе, об отсутствии ограничений и стеснений. Расширение пространства кажется естественным и даже необходимым для полноты национальной самооценки. Напротив, потеря даже небольшой части этого пространства в русском сознании оборачивается болезненной,

Пётр писал: «...всякий государь, уматревая доброй случай о приращении неправедно от государств своих отторгнутого, старание свое прилагати» должен к возвращению потерянных земель.

Вернуть «отчины и дедины»

Второй причиной войны со Швецией объявлялось желание Петра вернуть переданные за деньги и военную помощь в начале XVII века так называемые отчины и дедины, то есть земли предков — территории Ингрии (Ингерманландии) и Карелии. Их принадлежность Швеции была подтверждена рядом русско-шведских соглашений, причём в ноябре 1699 года Пётр перед лицом шведского посольства, прибывшего с ратификационной грамотой нового короля Карла XII, передал грамоту, в которой клятвенно подтверждал соблюдать «верно, крепко и ненарушимо»

▲ Карл XII.
Давид Клёккер-Эренстраль, 1697 год

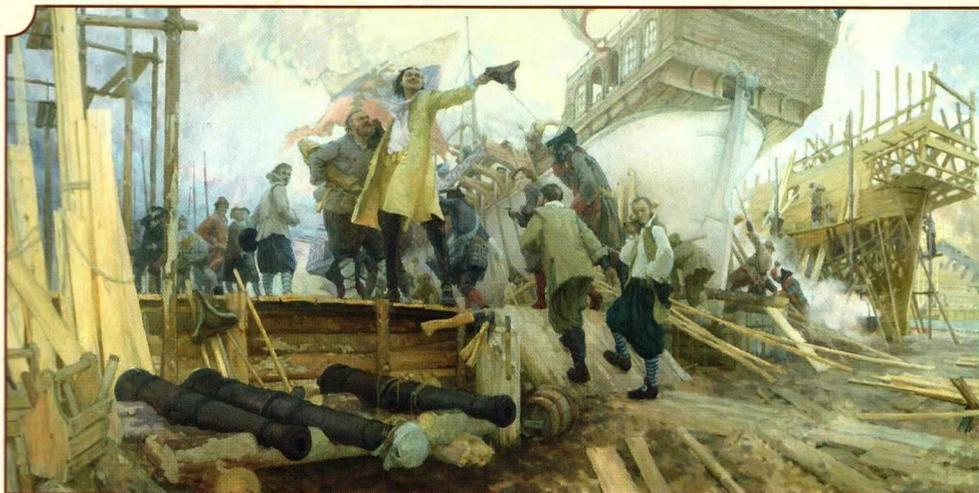
горькой утратой или, как тогда писали, «потерькой», и хоть она маленькая в сравнении с огромной страной, но её непременно надлежит восполнить.

Выдвижение этой причины в 1700 году как основания для войны отвечало на запрос национального сознания, давало правителю карт-бланш

Пётр рвался к морю

на любые действия, обеспечивало обществу психологический комфорт перед лицом возможных испытаний и неизбежных жертв. Впоследствии всё это синхронизировалось с началом экспансии Российской империи, оформлявшей новые территории как «присоединение» или «возвращение» некогда утраченных земель.

Однако, начиная войну и заявляя об этих причинах, Пётр руководствовался, по существу, совсем иными соображениями: в 1695–1696 годах, воюя с турками, он рвался к морю, не помышляя о «дединах и отчинах» на Балтике, да и в ходе Северной войны он был готов отдать шведам несравненно более важные «дедины и отчины» только ради сохранения за Россией Ингрии и Петербурга, который для него символизировал выход к морю. Именно выход к морю был контрапунктом

◀ Новое в России дело.
Юрий Кушевский, 2008 год

плавание в открытом море на построенном лично корабле было символом не только преодоления слепой стихии с помощью создавшего корабль разума, но и покорения архаичной сухопутной России.

Далее. Он, с юности влюблённый в Голландию, видел в этой стране образец того, как с помощью торговых портов, бороздящих океаны кораблей, торговли можно достичь завидного процветания. В желании обрести При-

стей стратегии Петра, истинной, пусть зачастую и скрытой, причиной всех военных и мирных усилий царя на протяжении Северной войны, главным мотивом строительства Петербурга на непригодном для жизни людей болоте, а также причиной беспрецедентного в мировой истории официального переноса столицы (1712) на территорию чужого государства за девять лет до заключения мира, по которому эти территории отошли к России (1721).

В стремлении Петра к морю отразились присущие ему идеи

▼ Санкт-Петербург.

Рисунки пленного шведского солдата Пауля Бетюна, ок. 1712 года

и чувствования, составлявшие суть его идеологии, сформировавшие его психику и государственное поведение. Нужно учесть характерный для Петра изначальный юношеский романтизм, связанный с морем. В одном из писем 1706 года Пётр сетовал, что мало в стране таких молодых людей, кто бы, «оставя в компаниях забавы, своею волею шуму морского слушать хотел».

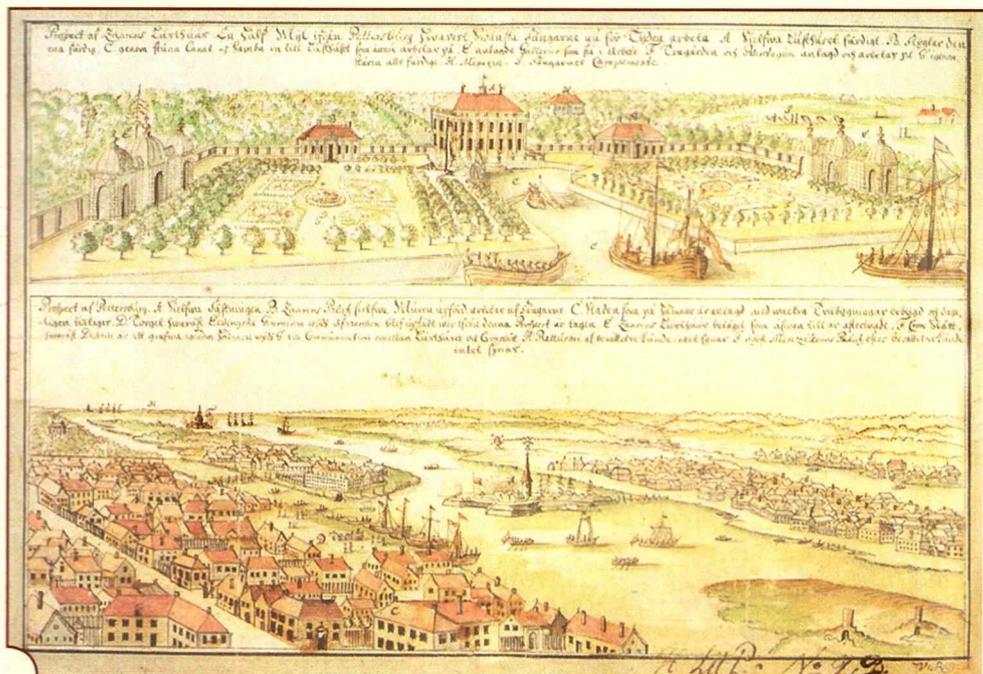
Выход к морю для Петра воплощал ещё и разрыв с ненавистной ему старой Россией, со страхами его детства и юности, проведёнными в Москве, и начало новой счастливой жизни — не даром скромный посёлок, каким был вначале Петербург, он называл «парадизом». Для его сознания

Пётр был готов прекратить войну

стань (в этом ёмком для того времени слове подразумевались гавань, прибрежный город-порт) воплощалась мечта Петра-меркантилиста, который хотел обогатить за счёт коммерции и мореплавания свою страну, удачно расположенную на пути между Востоком и Западом. Без выхода к морю создать Пристань невозможно, как невозможно построить основу могущества страны без создания военно-морского флота — того, чем гордится остров «лучшей, красивейшей и счастливейшей из всего света» (так Пётр называл Англию, вторую страну, которую он любил не меньше Голландии).

Мотивация поиска мира

Желанием выйти к морю и закрепить его побережье за Россией объясняется и упорный поиск Петром мира на протяжении всей Северной войны. Впервые условия, на которых Россия соглашалась мириться со шведами, были высказаны канцлером Фёдором Головиным в письме от 5 февраля 1701 года князю Петру Голицыну: «.. по последней мере удержать Канцы на реке Неве в нашей стороне», хотя тогда, в 1701 году, до взятия Ниеншанца было ещё почти два года! В тот момент имперское воображение Петра было скромным, он не думал о захвате других шведских прибалтийских земель и в 1700–1704 годах искренне обещал союзникам «ни пяди земли не искать в Эстляндии и Лифляндии»,

▶ Пётр I усмиряет ожесточённых солдат своих при взятии Нарвы в 1704 году.
Николай Зауервейд, 1859 год

«ни единой деревни шведской подлинной себе удержат не изволит», только «чтоб отечественные <...> земли (то есть Ингерманландия и Карелия. — Е. А.) недвижно при нем остались».

Искренность этих уверений подтверждает то, как русская армия начиная с 1701 года безжалостно и жестоко разоряла Эстляндию и Лифляндию: города и мызы беспощадно жгли, скот и имущество грабили, а уцелевших людей угоняли и продавали в рабство. Особенно страшным был поход фельдмаршала Шереметева в южную Эстляндию и Лифляндию летом 1702 года. Целью разорения было стремление затруднить возможное контрнаступление шведов, «дабы неприятелю пристанища и сикурсу своим городам поддать было невозможно». Напротив, мародёрство солдат корпуса воеводы Петра Апраксина, действовавшего на территории самой Ингерманландии, Пётр осуждал: «А что <...> разорено и выжжено, и то не зело приятно нам, о чем словесно вам говорено, и в статьях положено, чтоб не трогать». Это понятно: Петру нужны были эти территории не тронутыми войной для освоения устья Невы.

В октябре 1702 года штурмом был взят Нотебург (Орешек), 1 мая 1703 года сдался Ниеншанц, и в ночь с 1 на 2 мая на военном совете было решено основать на Заячьем острове крепость Санкт-Питер-Бург. Первые слова, которые написал Пётр в начале мая 1703 года после взятия Ниеншанца своим сподвижникам, были:

В первые месяцы 1707 года, когда было известно о твёрдом намерении Карла XII начать Московский поход, положение России, оказавшейся фактически в международной изоляции накануне шведского вторжения, было критическим. Пётр тем не менее остался верен себе: на вопрос об уступке Ингерманландии однозначно отвечал, что «ни по которому образу того не будет <...> понеже хуже сего нечему быть».

«Желаемая морская пристань получена». Так был осуществлён выход к морю.

В тот момент Пётр был готов немедленно прекратить войну и остановиться на достигнутом. Но это оказалось нереальным: противник на мировую не шёл. Карла XII, поглощённого тогда польскими делами, погоней за Августом II, шведская драма в устье Невы не смущала: он полагал, что неизбежное в ближайшем будущем повторение нарвского разгрома русских войск приведёт к наказанию вероломного соседа и к непременно возвращению Ингерманландии под власть Швеции.

Иначе на это смотрел Пётр. Для него основание Санкт-Петербурга (топонимический синоним выхода к морю) стало главным, переломным событием в войне со шведами. Подчёркиваю: не победная Полтава 1709 года, а основание Петербурга в 1703 году! Всё, что Пётр делал позже, вращалось вокруг Петербурга.

Для удержания выхода к морю было недостаточно вымыть сапоги в балтийских водах, нужно было решить три важнейшие проблемы. Во-первых, следовало навсегда закрепиться на завоёванном плацдарме, построить город-крепость, перенести

в него царскую резиденцию, словом, сделать геополитические изменения в этой части света необратимыми. Во-вторых, надлежало с помощью оружия добиться если не полной военной победы, то хотя бы такого равновесия, которое вынудило бы шведов сесть за стол переговоров и согласиться подписать мирный договор на условиях уступки отторгнутых ранее у России «отчин и дедин». Наконец, в-третьих, предстояло добиться легитимации завоеваний, признания их международным сообществом, ведущими европейскими державами, что было не просто: появление на Балтике нового, сильного государства с имперскими амбициями обеспокоило тогдашних «потентатов» — главных политических игроков. Даже Фридрих I, король Пруссии, показывавший в отношении России особое дружелюбие, через своего посла в 1703 году тревожно вопрошал Петра касательно завоеваний России и заведения ею флота. Пришлось его успокаивать, уверять, что цель войны в том, чтобы «отечественные земли недвижно при своем государе остались, и <...> ни единой деревни Шведской не желает себе, хотя бы которья и взяты были», а флот заводится исключительно для защиты торговых караванов.

► Пётр I в Полтавском сражении.
Василий Шебуев, 1790-е годы

Победить Карла XII на поле боя поначалу казалось царю задачей невыполнимой, учитывая полководческий талант короля-воина и прекрасную подготовку его армии. Русской армии предстояло преобразоваться на основе «регулярства», учиться по ходу войны. При отступлении вглубь России широко применялся «скифский метод» ведения войны, при котором противник шёл по разорённой, сожжённой стране, терпел нужду в провианте и фураже, отбивался от нападений мелких отрядов с разных сторон, терял в стычках

людей. Пётр рассчитывал, что «неприятель от дальнего похода утомится и в немалое разорение свои войска» приведёт. Тактика Петра в конце концов оправдала себя — движение армии Карла XII на восток, к Москве, было приостановлено, и, не дойдя до Смоленска, шведы повернули на юг, на Украину. Этот поворот, как известно, закончился в июне 1709 года победным для России Полтавским сражением.

В эти напряжённые годы военного противостояния со шведами Пётр без усталости искал пути к достижению

мира, который, по его мнению, был бы лучшим исходом в опасной, на грани катастрофы, борьбе с таким могучим и непредсказуемым противником, каким казался царю Карл XII. С 1703 года, сразу после основания Петербурга, Пётр многократно предлагал шведам мир с одним условием — Ингерманландия переходит к России. Но король молчал или отвергал предложения России. Так продолжалось из года в год. Не было в Европе посредников, к кому бы ни обратился Пётр в поисках пути к миру: англичане и голландцы, австрийцы и французы, датчане и пруссаки.

Пытаясь завязать переговоры о мире, Пётр был готов торговаться по поводу Нарвы и Дерпта (который, кстати, считался «славным отечественным градом» Юрьевом, некогда основанным Ярославом Мудрым — в православии Георгием-Юрием), допускал уступку шведами Ингерманландии «за деньги или взамен города Пскова с приплатою некоторой суммы» (то есть выказал готовность отдать шведам древнейшую «отчину и дедину» — Псков, город, без которого невозможно представить Россию), но всё это при обязательном условии: «А о Питербурхе всеми мерами искать удержат за что-нибудь, а отдачи оноя ниже в мысли [не] иметь».

Серьёзнее по своим последствиям были ясно выраженные царём условия, основанные на так называемом мотиве барьера. Предполагалось, что при заключении мира из «завоеванных» территорий будет создана зона безопасности вокруг Петербурга. С одной, северной, стороны в эту зону попадал Выборг. 14 июня 1710 года, поздравляя свою сожительницу,

Архиепископ Феофан (Прокопович), теоретик петровского самодержавия, говорил в одной из своих проповедей о волшебном эффекте перемен, происшедших с соседями после победы в войне: «...те из них, которые нас гнушались яко грубых, ищут усердно братства нашего; которые бесчестили — славят; которые грозили, боятся и трепещут; которые презирали — служати нам не стыдятся».

будущую императрицу Екатерину, с взятием Выборга, Пётр писал: «...уже крепкая падушка Санкт-Петербурху устроена» (теперь бы сказали: «подушка безопасности»). Второй «подушкой безопасности» становилась Эстляндия, а третьей «подушкой» после завоевания Финляндии в 1714 году был объявлен Гельсингфорс. «Укладываемые подушки» («возведение барьера», создание «зоны безопасности») вокруг Петербурга стало с тех пор ключевым мотивом в переговорах о мире со шведами. Да и в последующие времена тема создания зоны безопасности вокруг Петербурга — Ленинграда оставалась актуальной для отечественной дипломатии и военных: выдвинутый на границу огромный город, важный экономический центр, да к тому же столица, был чрезвычайно уязвим для нападения и постоянно требовал особого внимания к проблеме своей безопасности.

Пётр понимал, что шведы не согласятся на предложенные условия, означавшие фактическую ликвидацию их империи. Поэтому, как в случае с «самовольным» строительством Петербурга и объявлением его столицей, он приступил к инкорпорации завоёванных территорий, превращая их в части своего государства, ставшего империей задолго до её провозглашения в 1721 году. После занятия Риги (а затем и Ревеля) царь принял присягу у жителей Лифляндии и Эстляндии. Заняв в 1710 году Выборг, Пётр также сразу продемонстрировал, что аннексирует его навсегда.

При таком повороте событий прежние поиски мирного диалога со Швецией с позиции равенства сторон завершились. Россия окончательно перешла к политике жёсткого принуждения Швеции к миру. И после непродолжительных переговоров в Ништадте осенью 1721 года Пётр получил всё, что хотел, и даже больше, чем мечтал в 1703 году.

Имперские горизонты Петра

Мир принёс России новые территории, легитимизировал её выход к морю, обеспечил законность существования нового города-столицы. Но главным и прямым следствием Ништадтского

▼ Первое сражение русского корабельного флота под командой Сенявина около острова Эзель со шведским флотом 24 мая 1719 года.
Алексей Боголюбов, 1866 год

мира стало провозглашение Российской империи в европейском понимании этого статуса. Важно отметить, что провозглашение империи стало эманацией установившегося при Петре жёсткого полицейского режима самодержавия, непосредственно отразившейся во внешней политике. С тех пор для России стали характерны такие черты имперской государственной репутации, как территориальная экспансия, культ имперской силы и стремление к безусловной гегемонии

Пётр поставил Россию на имперские рельсы

над соседями. Вице-канцлер Пётр Шафиров писал в «Рассуждении о причинах Свейской войны» (1717): «И могу сказать, что никого так не боятся, как нас». Поддержание страха в соседях, по мнению Шафинова, необходимо во избежание реванша побеждённых.

Победа над Швецией привела Петра к мысли о постоянном поддержании культа имперской силы как гарантии безопасности России. Негативным, резко отрицательным примером для Петра была Византия, чьё якобы миролюбие и пренебрежение могуществом вооружённых сил привело империю к гибели.

В новой системе международных отношений Россия, поначалу встреченная без восторга за столом

великих держав, стала активно участвовать в сколачивании союзов, формировании блоков, коалиций, азартно вела закулисную борьбу по разделу сфер влияния и непрерывно расширяла свою территорию.

Поражает масштаб начатых имперских мероприятий Петра: в Петербурге была принята программа строительства огромных 100-пушечных кораблей, предназначенных для океанского плавания, продолжались экспедиции с целью проникновения в Среднюю Азию, в 1722 году начался Персидский поход, занятие, а затем и аннексия западного побережья Каспия, а также двух североиранских провинций

с впечатляющими планами их освоения. Не менее грандиозен был проект построения нового Петербурга, центра восточной торговли, в устье Куры — для этого Пётр хотел организовать торговую компанию во главе с авантюристом Джоном Ло, только что разорившим Францию. Тогда же разрабатывались планы сухопутного похода в Индию. И помимо плана сухопутной экспедиции из Гиляна в Индостан Пётр в 1724 году готовил эскадру для завоевания Мадагаскара как базы для броска в Индию...

Так Пётр титаническим усилием поставил Россию на имперские рельсы, по которым она и покатилась. А всё началось с юношеской мечты о выходе к морю... ▼